

лысину во всю голову съ сѣдоватыми волосиками на вискахъ и на затылѣѣ, большую, малиноваго цвѣта, бородавку на переносѣ между бровей и наконецъ — великолѣпную, густую и совершенно сѣдую бороду. Эти три послѣдніе знаки отличія принадлежали тремъ судьямъ, при чемъ судья, обладавшій лысиной, сверхъ этого обладалъ еще слезливыми маленькими глазками, которые всегда казались заплаканными, да и говорилъ онъ какимъ-то тоненькимъ, плаксивымъ голосомъ, за что его всѣ называли бабой, тогда какъ въ сущности онъ прозывался Семеномъ Моргуномъ. Совсѣмъ иначе глядѣлъ судья съ малиновымъ украшеніемъ на переносѣѣ. Это былъ хозяинъ изъ молодыхъ (лѣтъ тридцати), бравый, краснощекій, съ густымъ вверхъ торчавшимъ чубомъ и высоко приподнятыми плечами. Этого никто не называлъ бы бабой, да и вообще никакъ не звалъ бы, развѣ что молодцомъ, либо настоящимъ казакомъ; прозывался онъ Мирошникъ Кузьма, потому что дѣдъ его первый построилъ въ Гусаковѣ мельницу и нажилъ съ нея хорошій барышъ. Что касается судьи съ сѣдой бородой, то объ этомъ уже и говорить нечего — его всякій знаетъ и въ Гусаковѣ, и на хуторахъ, и даже въ уѣздномъ городѣ, гдѣ всякій жидъ-торговецъ дружелюбно кивнетъ вамъ головой, если вы назовете ему Максима Дулю. Ему уже за шестьдесятъ лѣтъ и извѣстенъ онъ тѣмъ, что вѣчно пьетъ водку и никогда не бываетъ пьянъ, все равно, какъ будто бы онъ пилъ воду. Такъ уже какъ-то устроено онъ мудрено, что водка не беретъ его. А любить онъ ее здорово, а притомъ еще всегда умѣетъ такъ сдѣлать, чтобы пить ее на чужой счетъ. Ужъ если Максимъ Дуля сидитъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ въ уѣздномъ городѣ, то такъ и знайте, что онъ присосѣдился къ двумъ землякамъ, которые пьютъ могоарычъ по случаю выгодной продажи или покупки пары быковъ, до которыхъ Максиму Дулѣ и дѣла-то нѣтъ никакого.

Вся эта компанія сидѣла полукругомъ на глиняномъ полу, поджавши подъ себя ноги почти по-турецки. На полу же передъ ними стоялъ штофъ, пара стаканчиковъ и тарелка съ солеными огурцами, нарезанными на ломтики. Въ то время, когда уровень жидкости въ штофѣ понизился до половины, Андрей подробно перечислялъ обиды, нанесенныя ему Терешкой. А Елпидифоровъ между тѣмъ старательно наполнялъ стаканчики и обносилъ компанію, сильно упрашивая выпить до дна, и вообще имѣлъ такой видъ, какъ будто это именно онъ, а не кто-либо другой, угощаетъ добрыхъ людей.

— Э! Ну же! ну! Чтобъ пороса поскорѣе встало, да чтобъ къ